

Н. Писарев

**Домашний быт русских
патриархов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н11

Н11 **Н. Писарев**
Домашний быт русских патриархов / Н. Писарев – М.: Книга по Требованию,
2014. – 468 с.

ISBN 978-5-458-00841-9

Домашний быт русских патриархов

ISBN 978-5-458-00841-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

III

книги царскаго казеннаго двора за годы съ 1619 по 1633; эти столбцы и книги хранятся въ Московскомъ Отдѣлѣ общаго архива Министерства Императорскаго Двора.

Весьма полезными для нашей работы оказались нѣкоторые рукописи Московской синодальной, бывшей патриаршей, библіотеки.

Указанныя архивныя свѣдѣнія послужили основнымъ содержаніемъ для предлагаемаго изслѣдованія.

Изъ капитальнѣйшихъ пособій, которыми мы пользовались, слѣдуетъ отмѣтить прежде всего: „Путешествіе антиохійскаго патриарха Макарія“ въ Москву въ половинѣ XVII-го вѣка, описанное сыномъ этого патриарха архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ и переведенное съ арабской рукописи проф. Г. И. Муркосомъ. По богатству и разнообразію новаго и свѣжаго матеріала, касающагося исторіи Россіи и Москвы особенно въ XVII вѣкѣ, эти записки весьма важны, но.... пользоваться ими, какъ историческимъ документомъ, слѣдуетъ крайне осторожно. Въ нихъ, при массѣ дорогихъ историческихъ данныхъ, попадаетея достаточно фантастическихъ сообщеній, критически не провѣренныхъ и принятыхъ наивнымъ иностранцемъ за достовѣрныя. Подобныя сообщенія представляютъ изъ себя удивительныя историческія несообразности, въ родѣ того, что св. Равноапостольный князь Владиміръ прибылъ вмѣстѣ съ первымъ митрополитомъ московскимъ Петромъ на мѣсто нынѣшняго города Владиміра на Клязьмѣ, основателемъ котораго онъ и былъ въ этотъ самый разъ ¹⁾.

¹⁾ Кн. X, гл. XI, стр. 47; другія неправильности, встрѣчающіяся у Павла Алеппскаго и касающіяся нашего вопроса, мы отмѣчаемъ въ самой нашей работѣ. Указаніе на необходимость осторожнаго пользованія трудомъ Павла Алеппскаго см. еще въ рецензіи доцента Кіевской Академіи свящ. Титова на книгу г. Голубева «Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники» т. II-й «Труды Кіевской Духовной Академіи»

IV

Свѣдѣнія о Россіи и Москвѣ другихъ иностранцевъ, посѣтившихъ нашихъ предковъ въ XVII в., почти ничего не дають важнаго и интереснаго по нашему вопросу. Это и понятно: иностранцы—путешественники прїѣзжали въ Москву съ политическими цѣлями и имѣли соприкосновеніе только съ царскимъ дворомъ, о которомъ у нихъ можно находить обильныя свѣдѣнія; нашихъ патріарховъ, въ большинствѣ случаевъ, имъ не приходилось видѣть.

Другимъ содержательнымъ пособіемъ для нашей работы были труды г. Снегирева „Памятники московской древности“ отд. I—III и нѣкоторыя описанія „Древностей Россійскаго государства“. Но о трудахъ этихъ слѣдуетъ сказать то же, что и о „Путешествіи патріарха Макарія“. Мѣткую и правдивую характеристику г. Снегирева, какъ археолога, даетъ историкъ Погодинъ въ своей прекрасной рѣчи, произнесенной имъ на первомъ археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ въ 1869 г. Указывая шагъ за шагомъ судьбы археологіи въ Россіи, М. П., между прочимъ говоритъ: „Снегиревъ имѣлъ обширныя

Декабрь 1900 г. въ протоколахъ стр. 187—188; мы вполне присоединяемся къ мнѣнію этого рецензента, что новѣйшій переводъ труда Павла Алеппскаго «долженъ быть снабженъ историко-критическими примѣчаніями, безъ которыхъ пользованіе этимъ трудомъ не безопасно».—Странно, что такой солидный ежемѣсячный журналъ, какъ «Вѣстникъ Европы», давъ въ апрѣльской книжкѣ 1901 г. библиографическую замѣтку о прекрасной работѣ антиохійскаго архидіакона, не указалъ ея значительныхъ пробѣловъ и не высказалъ весьма своевременнаго пожеланія, чтобы теперь именно, когда художественный переводъ арабской рукописи только что закончился, нашлись свѣдущія лица, которыя снабдили-бы переводъ г. Муркоса историко-критической частью въ видѣ дополненій или приложений. Если-бы изъ труда Павла Алеппскаго выдѣлили даже одни только церковно-историческія свѣдѣнія и снабдить ихъ критическими примѣчаніями, то и тогда работа получила-бы весьма солидная и полезная для церковно-исторической науки.

«познанія, былъ очень начитанъ, любилъ археологическія занятія и изысканія, умѣлъ искать, спрашивать и записывать, былъ, что называется, охотникъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Своими сочиненіями онъ оказалъ важныя услуги отечественной наукѣ и сообщилъ много свѣдѣній новыхъ; но ему не доставало отчетливости и точности, онъ не обладалъ чувствомъ вѣрной критики и не имѣлъ возможности отдѣлить важное отъ неважнаго... Онъ часто запутывается и запутываетъ читателя, даже—иногда какъ будто съ умысломъ, по особенному складу ума: ему какъ будто пріятнѣе бываетъ туманъ, чѣмъ свѣтъ. Къ десяти вѣрнымъ свѣдѣніямъ онъ приложитъ непременно одиннадцатое невѣрное, и вы затруднитесь разобрать, которое-же изъ одиннадцати извѣстій никуда не годится. По этой причинѣ многочисленными сочиненіями и розысканіями Снегирева должно пользоваться какъ богатымъ матеріаломъ, но съ особенной осторожностью“¹⁾).

Остальные матеріалы по нашему вопросу, бывшіе у насъ подъ руками, имѣютъ характеръ уже изданныхъ первоисточниковъ или случайныхъ замѣчаній; указаніе на нихъ читатель найдетъ въ самомъ нашемъ изслѣдованіи, гдѣ также сдѣлано нѣсколько критическихъ замѣчаній на отдѣлъ о домашнемъ бытѣ русскихъ патріарховъ (стр. 470—590) въ сочиненіи И. Е. Забѣлина „Исторія г. Москвы“ ч. I, вышедшемъ въ свѣтъ, когда наша работа была уже приготовлена къ печати.

Въ заключеніе настоящаго предисловія, укажемъ кратко по частямъ содержаніе нашего изслѣдованія.

Во введеніи изображается типъ архіереевъ до-Петровской Руси, въ частности патріарховъ, и указывается необходимое взаимоотношеніе между общественнымъ значеніемъ и положеніемъ святителей и формами ихъ домашняго быта.

¹⁾ «Труды I-го археологическаго съѣзда въ Москвѣ» вып. I-й, стр. 25—26.

VI

Главы первая и, особенно, вторая, посвященныя описанію мѣстоположенія, состава, исторіи постройки и внутренняго убранства патриаршихъ дома и двора, по содержанію не столько историческаго, сколько почти чисто археологическаго характера.

Историкъ Погодинъ въ упомянутой выше рѣчи такъ опредѣляетъ предметы археологіи: „узкое окошко въ церковной стѣнѣ, та или другая линия въ рѣзныхъ или лѣпныхъ украшеніяхъ, такая-то дверь, доскутокъ заскоружлой кожи, знакъ, вырѣзанный на камнѣ, глиняная вещь или мѣдный крестикъ, образокъ со стертыми надписями, старыи кирпичъ—все это памятники, въ нѣкоторыхъ случаяхъ гораздо болѣе драгоценныя, нежели золотое монисто и серебряное ожерелье“ ¹⁾. Такъ какъ при нашей работѣ у насъ не было подъ руками подобныхъ *вещественныхъ* памятниковъ, то мы сочли необходимымъ познакомиться съ отрывочными описаніями ихъ и на основаніи этихъ описаній создавать болѣе или менѣе цѣльную картину.

Въ третьей главѣ указываются лица, служившія при патриаршемъ дворѣ, условія ихъ поступленія на службу и ихъ матеріальное положеніе.

Содержаніе четвертой главы—археологическаго характера представляетъ описаніе внѣшняго домашняго наряда святѣйшихъ патриарховъ.

Глава пятая посвящена вопросу объ обрядѣ комнатной и выходной жизни святителей; глава эта раздѣляется на два отдѣла: въ первомъ отдѣлѣ описывается обрядъ жизни святѣйшихъ въ обычные дни и въ нѣкоторые особенные дни года, во второмъ—московскіе и загородные походы русскихъ первосвятителей.

Глава шестая и послѣдняя изображаетъ дни поставленія святителей на московскую патриаршую кафедру,

¹⁾ «Труды I-го археологическаго съѣзда въ Москвѣ» вып. I-й, стр. 36.

VI

дни предсмертнаго напутствія, погребенія и поминовенія святѣйшихъ патріарховъ.

Въ особой части мы даемъ 18 №№ приложений, представляющихъ буквальный выдержки изъ архивныхъ книгъ. Смыслъ приложений тотъ, что они, вообще говоря, дополняютъ картину житья-бытья русскихъ патріарховъ, и какъ таковыя, они, на нашъ взглядъ, почти необходимы въ изслѣдованіяхъ, подобныхъ настоящему. Въ частности, относительно приложения № 1-й—описи дома патріаршихъ подъяковъ, находившагося между Ильинскимъ и Варварскимъ крестцами, можемъ сказать слѣдующее: хотя эта опись имѣетъ довольно косвенное отношеніе къ нашему предмету, но она все таки до нѣкоторой степени выясняетъ и подтверждаетъ общій типъ хорошаго строенія XVII вѣка — въ этомъ смыслѣ 1-го приложения. Подъ № 4-мъ мы помѣщаемъ копию „заемной кабалы“, которая хотя выдана и не на патріаршее имя, все-таки можетъ служить образцомъ юридическихъ документовъ, весьма въ значительномъ количествѣ вращавшихся въ хозяйствѣ патріаршаго дома.

Матеріаль, предлагаемый въ приложенияхъ, впервые извлеченъ нами изъ архивныхъ документовъ и нигдѣ еще не напечатанъ.

Книги патріаршаго казеннаго приказа изъ архива Министерства Юстиціи мы обозначаемъ въ примѣчаніяхъ буквами К.П. или оставляемъ иногда безъ обозначенія, какъ очень часто встрѣчающіяся. Книги дворцоваго приказа постоянно обозначаемъ буквами Д.П.

Въ послѣднихъ словахъ настоящаго предисловія считаемъ своимъ пріятнымъ нравственнымъ долгомъ принести глубокую благодарность архивариусамъ московскаго главнаго архива Министерства Юстиціи С. П. Соколову и московскаго отдѣла общаго архива Министерства Императорскаго Двора А. И. Успенскому за ихъ любезное и просвѣщенное содѣйствіе намъ въ нашихъ архивныхъ изысканіяхъ.

VIII

Вѣчная память и незабвенному, недавно скончавшемуся, труженику исторической науки В. И. Холмогорову, способствовавшему успѣху нашихъ архивныхъ занятій своими опытными совѣтами и указаціями.

Введеніе.

Типъ архіереевъ до-Петровской Руси, въ частности патріарховъ, и его вліяніе на ихъ домашній бытъ.

Измѣлователю бытовыхъ формъ русской народной жизни XVI и XVII в.в., а также и болѣе раннихъ, легко открывається присутствіе въ этихъ формахъ общаго, родового, что было свойственно укладу жизни рѣшительно всякаго русскаго человѣка того времени. Для примѣра укажемъ на оригинальный, но и непремѣнный для всѣхъ русскихъ людей того времени, обычай отдыха послѣ обѣда. Г. Костомаровъ называетъ это обыкновеніе „повсемѣстнымъ и освященнымъ народнымъ уваженіемъ“, несоблюденіе котораго считалось въ нѣкоторомъ смыслѣ ересью, какъ всякое отступленіе отъ предковскихъ обычаевъ: „спали пообѣдавши и цари, спали бояре, спали купцы, затворивъ свои лавки; уличная чернь отдыхала на улицахъ“. Самозванецъ обличилъ передъ русскими людьми свое нецарское происхожденіе и склонность къ латинству отчасти и тѣмъ, что „не спалъ послѣ обѣда“¹⁾. Иногда-же идея той или другой бытовой формы, будучи свято соблюдаема всѣми людьми, все-таки

¹⁾ «Очеркъ домашней жизни и нравовъ Великорусскаго народа въ XVI и XVII в.в.» стр. 96, 97; см. еще «Сказанія иностранцевъ о Моск. Государствѣ» В. Ключевскаго, стр. 202.

неодинаково выражалась въ жизни всѣхъ. Обычай, на-
примѣръ, ежедневнаго непремѣннаго домашняго молитво-
словія иначе отпращивался у русскаго человѣка изъ не-
особенно зажиточнаго класса, чѣмъ у какого-либо знат-
наго боярина, имѣвшаго свою домовую церковь и сво-
ихъ домовыхъ священно и церковно-служителей¹⁾). Или
еще обычай гостеприимства у тѣхъ-же лицъ. Это фор-
мальное различіе бытовыхъ формъ, выражающихъ одну
и ту-же идею, будучи обусловлено несомнѣнно разнымъ
соціальнымъ и экономическимъ положеніемъ русскихъ
людей, отмѣчаетъ громадное большинство явленій житья-
бытья русскаго человѣка XVI и XVII в.в. Наконецъ,
были такіе обычаи въ русской жизни, которые имѣли
мѣсто въ домашнемъ быту только одной какой-либо ка-
тегоріи лицъ, одного какого-либо класса общества, на-
примѣръ, въ жизни русскихъ архіереевъ вообще и мос-
ковскихъ патріарховъ въ частности.

Всѣмъ этимъ мы хотимъ сказать, что бытъ каждаго
человѣка создается подъ вліяніемъ различныхъ факто-
ровъ: общій народный обычай, назовемъ его національ-
нымъ факторомъ, сближаетъ и даже отождествляетъ нѣ-
которыя формы бытовой жизни человѣка съ жизнью
всѣхъ его соотечественниковъ, особое-же положеніе по-
слѣдняго въ обществѣ—соціальное и экономическое, при-
даетъ его домашней жизни рѣзко опредѣленную инди-
видуальность. Поэтому намъ кажется, что приступаю-
щему къ описанію домашняго быта какого-либо сословія
въ русскомъ государствѣ, или, во всякомъ случаѣ, лицъ,
выдѣленныхъ ихъ общественнымъ положеніемъ въ рѣзко
очерченную группу людей, какъ, наприимѣръ, русскихъ
патріарховъ, необходимо охарактеризовать, такъ сказать,
спеціальное положеніе ихъ въ обществѣ.

Какъ-же слѣдуетъ опредѣлить положеніе русскаго
патріарха въ общемъ организмѣ русской жизни конца
XVI и XVII в.в.

¹⁾ Упомянутый трудъ Костомарова, стр. 94.

Типъ нашихъ патріарховъ, выразившійся въ разнообразнѣйшихъ явленіяхъ народной жизни и значительно отразившійся на ихъ (патріарховъ) домашнемъ бытѣ, созданъ не по мановенію державной руки царя Θεодора Ивановича, но вытекалъ изъ общаго строя русской жизни нѣсколькихъ предшествующихъ столѣтій. Поэтому, чтобы полнѣе опредѣлить этотъ типъ, а главное, чтобы путемъ сопоставленія ярче его выразить, намъ кажется лучше прослѣдить, не вдаваясь въ излишнія подробности, въ какую форму отливался на пространствѣ этихъ столѣтій типъ русскихъ архіереевъ вообще и митрополитовъ всея Россіи въ частности, какъ видныхъ представителей русской жизни; какія характерныя черты первосвятителя Московскаго передали эти послѣдніе „всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріархамъ“, только въ совершенствѣ воплотившимъ въ себѣ типическія особенности своихъ предшественниковъ.

Съ принятіемъ христіанства Русь вступила на путь нравственнаго возрожденія. Самыми обстоятельствами жизнь выдвинула въ качествѣ служителей этого возрожденія русское духовенство и, въ частности, его представителей—архіереевъ, на которыхъ были обращены взоры юнаго христіанскаго общества, не только какъ на епархіальныхъ администраторовъ, духовныхъ сановниковъ (что само собою понятно), но и какъ на носителей и лучшихъ выразителей христіанскаго религіозно-нравственнаго міровоззрѣнія; такъ смотрѣли на епископа всѣ, начиная съ высшаго лица въ государствѣ—князя и кончая послѣднимъ холопомъ. Тогдашняя юриспруденція, хотя-бы уставами Владиміра и Ярослава, давая доступъ вліянію епископовъ на частный, семейный и общественный бытъ народа, такъ сказать, юридически утверждала послѣднихъ въ качествѣ лучшихъ выразителей нравственной идеи и проводниковъ ея. Это свое сознаніе и право наша высшая іерархія удѣльнаго періода дерзновенно заявляла даже и князьямъ при ихъ междоусобіяхъ: такъ митрополитъ Никифоръ II гово-

рять Кіевскому князю Рюрику Ростиславичу: „княже, мы есмь приставлены въ Русской землѣ отъ Бога востягивати васъ отъ кровопролитія“. Это—„востягивати князей отъ кровопролитія“—было „собственнымъ и общимъ девизомъ митрополитовъ и епископовъ“¹⁾). Приведенные историческіе факты, утверждая наше положеніе, что епископы были въ русскомъ обществѣ лучшими выразителями христіанскихъ началъ, открываютъ намъ и нѣчто большее. Они показываютъ, что архіереи, внося, или, по крайней мѣрѣ, стремясь внести въ то или другое явленіе жизни только нравственное начало, тѣмъ самымъ принимали нѣкоторое участіе, хотя и косвенное, въ установленіи гражданскаго порядка на Руси, и въ этомъ отношеніи являлись какъ-бы пособниками, совѣтниками высшей свѣтской власти.

Съ этими-же отличительными чертами дѣятельности является высшая іерархія въ лицѣ московскихъ митрополитовъ и въ слѣдующій Московскій періодъ церковно-гражданской исторіи, когда интересы государственной жизни сосредоточивались извѣстное время около возвышенія Московскаго княжества и улаживанія отношеній Руси къ монголамъ. Въ исторіи блестящаго разрѣшенія перваго вопроса весьма почетное мѣсто занимаютъ имена митрополитовъ, напримѣръ, Петра и Алексія²⁾). Святитель Алексій обаяніемъ своей нравственной личности имѣлъ сильное вліяніе на орду и сослужилъ великую службу Московскому княжеству. Мы видимъ путешествующимъ въ орду съ великимъ княземъ Симеономъ и митрополита Феогноста. Нельзя-ли въ этихъ послѣднихъ двухъ случаяхъ сблизить значеніе московскихъ

¹⁾ «Исторія Русской Церкви» Е. Голубинскаго т. I, ч. 1-я, стр. 451, 452.

²⁾ «Исторія сношеній между Русскими князьями Рюрика дома» С. М. Соловьева стр. 335, 402, 468; «Исторія Русскаго народа» Полевого т. VI, стр. 17; «Собраніе государств. грамотъ и договоровъ» т. I, № 24.